

МАША
ТРАУБ

Читайте книги Маши Трауб

ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЛАДЕНЦЫ
Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
ВСЯ LA VIE
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ
ЛАСТОЧ...КА
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА
НЕ ВСЯ LA VIE
ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ
ТЕТЯ АСЯ, ДЯДЯ ВАХО И ОДНА СВАДЬБА
ДНЕВНИК МАМЫ ПЕРВОКЛАССНИКА
ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА
ДОМИК НА ЮГЕ
ОСТОРОЖНО – ДЕТИ! ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ
СОНЯ И АЛЕКСАНДРА
ПЛЮС ОДИН СТУЛ
ЧУЖОЙ
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ
ИСТОРИИ МОЕЙ МАМЫ
НАША ДЕВОЧКА
ПЛОХАЯ МАТЬ
ШУШАНА, ЖУЖУНА И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ДЕДУШКОЙ
УВАЖАЕМЫЕ ОТДЫХАЮЩИЕ!
НА ГРАНИ РАЗВОДА
ЛИШНИЕ ДЕТИ
БЕДАБЕДА
ИЛИ Я СЕЙЧАС УМРУ ОТ СЧАСТЬЯ
ПОЛНОЕ ОЗОМЛЕНИЕ
ПЛОХАЯ ДОЧЬ
НЕ МАМКАЙ!
НЕВОЗВРАТНЫЙ БИЛЕТ
КОЛЬЦО ИЗ ФОЛЬГИ

МАША
ТРАУБ

Кольцо
из фольги

Москва
2023

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Оформление серии и переплета:
Александр Кудрявцев,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Иллюстрация на переплете *Ирины Ветровой*

Трауб, Маша.
Т65 Кольцо из фольги / Маша Трауб. — Москва :
Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-160283-3

Воспоминания – счастье или проклятие? Что хранит детская память? Отчего так часто участники одних и тех же событий вспоминают о них совсем по-разному? Эта история — о прошлом и его отражении в памяти. О событиях и людях, приметах времени и предметах быта. Здесь то, что помню я, и то, что рассказала мне мама. Это история о том, что для меня было абсолютным счастьем, а для нее – унижением и изгнанием. Ее побег и моя попытка вернуться туда, откуда бежала она. Иногда, чтобы не сойти с ума, человеку нужно поверить в то, чего не было, и забыть то, что было. Это и называется – память.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160283-3

© Трауб М., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

У каждого своя память. Если сравнить воспоминания двух людей об одном и том же событии, получите две разные версии, зачастую противоречащие друг другу. И даже если эти люди находились в одном месте в одну и ту же минуту, все равно будут разные истории. Память — защитный механизм, вычищающий из подкорки все то, что может убить, но щедро оставляет то, что заставляет страдать. Тут на помощь приходит еще один защитный механизм — наш собственный взгляд, подчас фантазии, которые пусть медленно, но заменяют реальные воспоминания. И уже выдуманные детали обретают статус случившихся в действительности.

«Как ты не помнишь?» — может кричать один человек другому. Дочь матери. Сын отцу. Родственники. Любовники. Супруги. «Да не было такого!» — отвечает второй и говорит искренне. Его память уже постаралась, зачистив тот самый «больной» фрагмент.

«Ты назвала меня безмозглой дурой!» — «Никогда так тебя не называла! Это ты меня поливала ма-

Маша Трауб

тюгами и проклятиями!» — «Да что ты придумываешь?» Все заканчивается скандалом. Кто что сказал, кто как ответил. Что было, а чего не было. И ничего нельзя доказать. Каждый живет в своей памяти.

Почему так происходит? Мне кажется, это позволяет людям не сойти с ума, не скатиться в пучину безумия. Обычный механизм выживания.

«Кольцо из фольги» — абсолютно правдивая история, в которой я попыталась сравнить свои воспоминания с теми, что остались в памяти моей матери. Место одно — северокавказское село. И ее, и мое детство прошли именно там. Мама уехала из села в шестнадцать лет. Я покинула его в двенадцать. Мама никогда в жизни не хотела туда вернуться. Ни за что на свете, ни при каких обстоятельствах. Наоборот, вычищала из своей памяти годы, проведенные там. Вытравляла акцент, характерные, свойственные только той местности интонации, вбитые в голову правила поведения, жесты. Я же всю свою жизнь мечтала вернуться в то село. Бережно хранила воспоминания о том, что ела в детстве, какие пела песни, куда вели дороги. Как вскакивала со стула, если в доме появлялся мужчина, и убегала в свою комнату, считавшуюся женской половиной. Как смотрела в пол, когда меня представляли гостям, зная, что нельзя поднять глаза. Как подставляла щеки, чтобы меня расцеловали, ущипнули в знак нежности. Как уже в собственной семье подавала блюда и уходила на кухню, а гости

Кольцо из фольги

не понимали, почему я не сажусь за общий стол. Как ходила по рынкам, вспоминая запахи и вкусы сельского базара, и все было не таким, подделкой. Даже еда имела другие запах и вкус.

Вспоминать было тяжело. Мамины фантазии давно заслонили реальность. Она сделала все возможное для того, чтобы забыть язык, на котором говорила с раннего детства, на котором читала и писала. Забыла рецепты блюд, на которых выросла. Забыла традиции, праздники. Удивительно, но у нее даже акцента никогда не было. Ни малейшего. Я же бережно хранила в памяти детали быта, ощущения на пальцах, когда прикасаешься к горячему пирогу, теплой печке, кусту крапивы, ягодам кизила или тутовника. Пирог, только из печи, смазанный сливочным маслом, не обжигает, а заманивает. Отдергиваешь руку, но тут же тянешь снова. Хватаешь кусок, перекладываешь из одной руки в другую. Понимаешь, что надо подождать всего несколько минут или хотя бы подуть. Но нет. Откусываешь, обжигая язык и нёбо картошкой с сыром, самой вкусной начинкой на свете. Сыр чуть солоноватый, домашний. Только из ведра, из рассола. А картошку сначала нужно растолочь до состояния пюре, добавить молока и сливочного масла не пожалеть. И чтобы ни одного комочка не осталось. Нет, через сито пюре не пропускали, все вручную, давилкой...

Кизиловое варенье, которое все варили во дворе. Помешать специальной деревянной ложкой,

Маша Трауб

снять пенку, попробовать, обжечься. Наслаждение, невероятный вкус. Я пыталась сварить на кухонной плите, ничего не получилось. Точнее, получилось, но совсем другое. Городское, что ли, не деревенское. Я разрешала своим детям слизывать с ложки пенку или доедать из миски остатки крема — мои вкусы детства. Они не понимали, почему я счастлива. Как не понимали многих блюд, на которых я выросла, — кукурузные каши, лепешки, соусы к мясу и рыбе, фаршированные перцы, компоты, пироги с разными начинками.

Я готовила, предлагала хотя бы попробовать. Дети ели, но им было не так вкусно, как мне в детстве. Однажды отрезала кусок хлеба, намазала маслом и посыпала сверху сахаром. Дети недоуменно откусили по маленькому куску, и все.

Про правильное питание я знаю много, как и про всевозможные диеты. Но никогда не откажусь от по-настоящему вкусного блюда и, если уж очень захочется, съем ночью мороженое. Потому что я помню тетю Фати. Она всегда была худой, даже изможденной. И не сказать, что четверых детей родила. Тонкие ноги, руки-палочки, живот аж к позвоночнику прилип. Она доедала то, что осталось после обеда или ужина, приготовленных для мужа и детей. Да еще и делила остатки с кошками и собакой. Тетя Фати для себя никогда не готовила.

Кольцо из фольги

Говорила: «Не умею для себя, как можно?» Не садилась за стол, пока не поедят родные.

После смерти мужа у тети Фати вдруг проснулся аппетит, причем зверский. Есть она хотела всегда, в любое время суток, и никак не могла насытиться. Она отбирала сладости у внуков, тайком откладывала себе лучший кусок мяса, прятала еду в своей комнате. За короткий срок тетя Фати раздалась в теле и перестала выходить на улицу — ей нечего было надеть, все платья стали малы. Она вдруг превратилась в капризного ребенка, которому запрещают есть сладости, но он находит способ их заполучить. Если близкие прятали от нее конфеты, тетя Фати начинала плакать и причитать, что ее никто не любит, держат на воде и хлебе. Забросив хозяйство и домашние дела, она думала лишь о том, где достать шоколад, халву, конфеты, печенье. Наша местная знахарка Варжетхан считала, что нужно проверить гормоны, сдать анализы, отвезти тетю Фати в городскую больницу для полного обследования. Но та категорически отказывалась, а родные не могли ее переубедить. Так что тетя Фати продолжала лакомиться сладостями, есть двойные порции на обед и ужин и чувствовала себя счастливой. Она перестала вставать с кровати, и близкие приносили ей еду в комнату. Умерла она тихо, в собственной постели, засыпанной крошками печенья, на белье, заляпанном вареньем.

Моя бабушка считала, что тетя Фати умерла от горя. Похоронив мужа, она не знала, как жить

Маша Трауб

дальше. Ведь для него она готовила, вела хозяйство, рожала детей, подавала, уносила. Была его верной служанкой, старавшейся во всем угождать. А потеряв хозяина, не сумела жить для детей и внуков. Для себя, наконец. Вот и заедала свое горе. Варжетхан не спорила, соглашалась, но считала, что тете Фати можно было помочь, просто вовремя прописав нужные таблетки...

* * *

Печке нужно дать время. Тепло сначала медленно растекается по пальцам, потом по ладоням и поднимается все выше. И лишь потом нужно к ней прижаться спиной, икрами. Тогда тепло разливается по всему телу. Сверху накрыться пуховым одеялом и уснуть в то же мгновение. Даже взрослый человек в чем-то остается младенцем. Младенца, как учили молодых матерей в нашем селе, не нужно носить на руках, трясти, укачивая. Его надо согреть. Завернуть в пеленки, обязательно батистовые, выстиранные и отглаженные с двух сторон. Спеленать покрепче — сначала одну ручку прижать к телу, завернуть пеленочку под спинку, потом вторую. И не забыть про чепчик, который, конечно же, лучше связать самой. Сверху запеленать в плед, связанный из шерстяных ниток, или в маленькое одеяло, желательнее тоже побывавшее в многочисленных стирках и потому мягкое. Укрыть еще одним. Но не синтетическим, а настоящим, пуховым. Малыш ус-

Кольцо из фольги

нет, почувствовав себя в безопасности. Потом верхнее одеяло можно снять, иначе ему станет жарко. Можно открыть форточку. И тогда станет спать еще слаще. Когда из-под одеяла торчит один сопящий носик.

Что должно быть в детской, помимо всего прочего? Одеяло на столе, приспособленное под гладку, и утюг. На ночь ни в коем случае нельзя одевать ребенка в холодные ползунки и распашонку. Прогладить с двух сторон, и только после этого — на ребенка, пока одежда еще теплая, только из-под утюга. Я была уже взрослой, но бабушка свято блюла этот ритуал, облачая меня на ночь в теплую ночную рубашку. Даже летом. Мой взрослый сын до сих пор спит с открытой форточкой даже в сильный мороз. Из-под одеяла торчит нос. В комнате разве что иней на стенах не лежит. А дочери я иногда на автомате грею ночную рубашку, чтобы было «только из-под утюга».

Кусты крапивы бывают разные. Если крапива молодая, ее листья не колются. Их можно смело трогать. Стебель тоже еще не колет, лишь слегка. А вот старая крапива совсем болючая, до зудящих здоровенных волдырей. Даже сквозь полотенце, намотанное на руку, колет. Молодая, майская, крапива шла на суп, а старая, уже осенняя, — на настойки, отвары. Стебли — для сока — срывали обязательно до цвете-

Маша Трауб

ния. Даже корни использовались. Крапивой лечили, кажется, все болезни — от ожогов до сбившегося менструального цикла. Мочегонное, кровоостанавливающее, желчегонное... Крапиву я рвала все свое детство. И крапивой же получала по попе за любой проступок. Детей в нашем селе не шлепали, не били ремнем. Для наказания использовалась крапива. Считалось, что даже полезно — получить крапивой.

Тетя Белла была в селе главным специалистом по крапиве — она на глаз умела определить, когда срывать молодую, а когда старую, когда стебли, а когда листья. Она сидела во дворе и, задрав халат, хлестала себя по ногам крапивным букетом. Говорила, что ей после этого «легче ходится». А потом просила кого-нибудь из девочек похлестать ее крапивой по спине — от радикулита.

Варжетхан признавала свойства крапивы как разогревающего средства, улучшающего приток крови. Но категорически возражала против использования крапивы для лечения мужской немоции. Тетя Белла же всем молодым женщинам, которые ходили с потухшим взглядом и, сгорая от стыда, признавались, что молодой муж очень хочет, но не может, советовала похлестать мужа крапивой по ногам и ягодицам. Варжетхан, к которой приходили женщины с вопросом, нет ли другого способа, выдавала настой на семенах или корнях крапивы, но хлестать очень не советовала. Женщины радостно соглашались на настой.

Кольцо из фольги

Кизил и тутовник. Это мое детство. Ягоды кизила — яркие, сверкающие, будто покрытые лаком. Кизиловое варенье готовилось в каждом дворе. Неповторимый вкус и запах, который я узнаю из миллиона других. Тутовник же всегда под рукой. Им невозможно наестся. Даже донести до дома не получится — ягоды слишком нежные. Лучше есть сразу, с дерева, сидя прямо на нем. Плоды темно-фиолетовые, почти черные, и белые, но не совсем, будто в белый цвет добавили немного бежевой краски, совсем чуть-чуть. В селе варили варенье из тутовника, но оно не передавало весь вкус ягоды.

Я лелеяла эти ощущения и воспоминания. Изодня в день прокручивала в голове, чтобы помнить. Только бы не забыть. Повторить их я уже не смогла никогда, как ни пыталась.

Зачем нужны фотографии, напечатанные на бумаге? Старые семейные фотоальбомы? Вещи, которые принадлежали нашим бабушкам, дедушкам? Эти вещи — наша память. Без них все стремительно испаряется. Что сделать, чтобы забыть о некогда дорогом сердцу человеку — любовнике, бывшем муже? Просто выбросить все вещи, которые хоть как-то о нем напоминают. Смешной медведь, подаренный на Восьмое марта? На помойку. Даже если вы его засунете в дальний ящик с глаз долой, все равно будете знать, что он там. Сидит и ждет, когда

Маша Трауб

вы на него наткнетесь случайно при уборке или вытащите специально. Стоит только достать — и водоворот воспоминаний не оставит шанса вынырнуть. Можно накрутить себя так, что те мгновения — дни, недели или месяцы — покажутся самыми счастливыми в жизни. И этот медведь станет символом того счастья. А бывает наоборот — плюшевая игрушка становится символом обиды, разочарования, душевной боли. Зачем тогда хранить то, что напомнит о слезах, криках, предательстве? Отрицательные эмоции тоже нуждаются в подпитке, некой вещи, материальной, которую можно потрогать. Тактильные ощущения — самый сильный провокатор, заставляющий вспомнить.

Кольцо, скрученное наспех из фольги или проволоки от шампанского... Какое же счастье тогда обрушилось на голову! То самое, настоящее, которое случается раз или два в жизни. Когда не видишь и не слышишь ничего, когда мозгом управляет не разум, а гормон окситоцин. Когда готов на любое безумство. Когда в сутках вдруг оказывается не двадцать четыре часа, а все сорок восемь, и ты успеваешь жить в два, три раза быстрее, поскольку не ходишь, а летаешь. Пусть недолго — этот гормон тоже имеет срок годности, — но паришь, не видя препятствий, готовый на все. Любимый позовет прыгнуть с обрыва вслед за ним, и ты прыгнешь не задумываясь. Влюбленные женщины бессмысленны и беспощадны. Они не видят перед собой

Кольцо из фольги

препятствий. Да вообще ничего и никого не видят — лишь своего возлюбленного. Они строят грандиозные планы, сжигают мосты, бросают бомбу в свою прошлую жизнь. И все последующие попытки — лишь желание еще раз ощутить то самое счастье, тот драйв и азарт. То ощущение, когда ты способен на все. Заставить землю вращаться в другую сторону? Легко.

Впрочем, есть люди, которые способны испытывать это счастье с каждым новым возлюбленным или возлюбленной. Наверное, именно их и называют счастливыми, имея в виду — счастливые идиоты. Влюбленных по самую макушку людей обыватели сторонятся, те недалеко ушли от сумасшедших — в поступках, поведении, принятии решений. Они живут не здесь, не сейчас, а где-то в другом мире. А то, что творится в реальности — болезни родственников, потеря работы, другие насущные проблемы, — отскакивает от влюбленного человека, как мяч от стены. Все становится неважным... Правильно говорят, что во вселенских катастрофах выживут или сумасшедшие, или влюбленные. Они находятся в параллельной реальности. Потом, конечно, наступает прозрение, отрезвление, оказывающееся мучительнее, чем самое сильное похмелье. И человек задает себе вопрос — что это было? Пошлость ведь, причем кристаллизованная. Бред какой-то. Как вообще можно было связаться с таким идиотом или идиоткой? Тут гендерная разница не важна. А тог-

Маша Трауб

да... Все эти кольца, ракушки, календарики, амулеты и браслеты, шоколадки, покрывшиеся от времени белым налетом... У каждого своя память, свои триггеры воспоминаний, бережно хранимые. Достоешь, и в голове мечется только одна мысль — а вдруг такое случится еще раз? Чтобы до сумасшествия! До потери сознания!

Так бывает не только с любовью — со всем, особенно с предметами быта. Эмалированный ковш, увиденный в сельском магазинчике, куда забрел не пойми зачем. Точно такой же, как был в детстве. Или чашка с вишенками. Бабушка в такую наливала компот из яблок. Столовый сервиз с золотыми лепестками и золотой каемкой по ободку. Мама на него долго копила, доставала немислимыми усилиями, а ты, маленький, случайно разбил чашку. И не понимаешь, почему мама плачет так горько, как никогда не плакала. Ты ждешь самого сурового наказания, но мама продолжает оплакивать чашку, будто кто-то умер. И тебе, ребенку, спустя многие годы будет казаться, что не чашка разбилась, а ты для мамы перестал существовать. Это ты для нее умер.

Или сифон, привезенный отцом из командировки, — что-то невероятное, настоящее чудо. Мама смеялась, папа хохотал, показывая, как заправлять в сифон баллон. Счастливейший семейный вечер. Домашний лимонад из малинового варенья даже пить было страшно. А потом, спустя недолгое время, мама увидела точно такой же сифон, оказав-

Кольцо из фольги

шись в гостях у коллеги. Точно такого же цвета. И что-то вдруг нехорошее шевельнулось внутри, засосало под ложечкой. Долго не отпускало, но гнала от себя дурные мысли. Мало ли? Ну и что, что такого же цвета? Ну и что, что коробочка с баллонами точно такая же? А потом мама сначала бросила этот сифон в стену, пыталась разломать. Выбросила не в мусорное ведро, а вынесла на помойку. При этом не плакала, не кричала. Все делала молча, отчего становилось еще страшнее. Папа пропал. Мама сказала, что он опять уехал в срочную командировку. Но обманывала — чемодан стоял в шкафу, и костюм, который он всегда брал в командировки, висел на вешалке. Папа приходил тихий, изменившийся, совсем другой. Мама закрывала дверь на кухню. Она тоже изменилась — стала жестче, перестала улыбаться. Бабушка привезла малиновое варенье, сварила специально для сифона. Только тогда мама расплакалась. Больно и безутешно. Бабушка прижала банку с вареньем к груди и причитала:

— Горе-то какое, горе...

* * *

Я вспоминаю орешницу, тяжеленную, неподъемную. Надо было приготовить десерт для урока труда в школе. Тогда девочки готовили, а мальчики выжигали рисунки на дереве и сколачивали табуретки. Орешки со сгущенкой, обязательно вареной, — один из главных вкусов детства. Еще, конечно, шоколад-

Маша Трауб

ная колбаса из печенья, какао, иногда орехов, чтобы при разрезе были видны белые пятна, как в сервелате. Но колбасу все делали, а орешки считались настоящим лакомством. Налить тесто в формы, закрыть сверху. Сварить банку обычной сгущенки так, чтобы та не взорвалась, не перестояла. Положить вареную сгущенку в выпеченную скорлупку орешка, закрыть сверху еще одной. Тесто прилипает к форме, скорлупки трескаются, получаются неровными. Банка сгущенки все же взорвалась, и теперь еще полдня отмывать кухню. Несешь в школу то, что удалось спасти. Пять жалких орешков. А у Кристинки идеальная шоколадная колбаса. Учительница восторгается. Твои орешки даже не пробует.

* * *

Еще я реагирую на графины, старые чемоданы, жестяные красные в горошек банки для специй, банки из-под лимонных долек — такие синенькие, с нарисованным на крышке толстым апельсином — и банки из-под черной икры, тоже синие, с рыбой на крышке. Бабушка трепетно их хранила и использовала в качестве шкатулок. Банки из-под чая — это целая история. В самой большой банке из-под красnodарского она хранила бумажные деньги. А в банке из-под индийского — мелочь. В банке с розами на крышке — незамысловатые украшения.

А еще чайники. Сгоревшие бабушка использовала в качестве держателя для книг на полке. Насы-

Кольцо из фольги

пала в них песок для веса и ставила, чтобы книги не упали. Сейчас бы это называли оригинальным дизайнерским решением, а тогда все думали, что бабушка совсем творческая личность, раз так сошла с ума.

Деревянные счеты, конечно же. Мое поколение, выросшее в деревнях и селах, училось складывать и отнимать на счетах, настоящих, бухгалтерских. С деревянными колечками. На них считали продавцы в сельпо, их же держали под рукой бухгалтеры. В первый класс в столице дети должны были принести на урок математики счетные палочки, а в селе — маленькие счеты. Они и сейчас продаются — красивые, с разноцветными колечками. Но как я ни пыталась научить сына, а позже дочь считать на счетах, они не увлеклись. Даже в столбик они считали не так, как мы, а по-другому, не ставя точки над цифрами, над которыми «занимали», не выписывая нули. Тоже интересно: мы в детстве говорили «нуль», а не «ноль».

— Почему ты ставишь запятую сверху вместо твердого знака? — как-то спросила дочь. Я и не замечала, что использую апостроф. Так научила меня первая учительница русского языка в осетинской школе, Лариса Ивановна. Жаль, что я тогда так мало прислушивалась к разговорам взрослых. Как Лариса Ивановна оказалась в селе? Почему жила без мужа и детей? Не знаю. Но точно помню, что она переходила на уроках на французский и ставила апо-

Маша Трауб

строфы вместо твердого знака. Иногда она ставила и другие знаки над буквами, которые много позже сложились в моей голове в аксанти-эгию, аксанти-граф. Это как перевернутый вопросительный знак в конце предложения в испанском языке. Или как точки над буквами иврита. Ни с чем другим не спутаешь. Получается, что Лариса Ивановна знала французский не хуже русского? Кто знал ответ на этот вопрос, давно унес его в могилу.

* * *

У меня не осталось вещей, за которые память могла бы зацепиться. Мама об этом позаботилась сразу же, уничтожив все, что хоть как-то напоминало о жизни в селе. Ни одной фотографии не сохранилось, ни единой салфетки — ничегошеньки. Жестоко, да. Но каждый вечер перед сном, погружаясь в воспоминания, я проходила по деревенской дороге, заходила в сельпо, в привокзальный магазин, делала тысячу привычных дел, которые совершала в реальности. Чтобы помнить. Но воспоминания улетучивались, их заменяли новые события. Все реже перед сном мысли уносили меня в село, как я ни пыталась вспомнить, не забывать. А потом и вовсе ушли и никогда не возвращались. Это нормально — жизнь идет своим чередом...

После рождения детей все мысли — только о них. Каждую минуту, каждую секунду. Сначала — спит или опять не спит? Раскрылся? Не душно ли

Кольцо из фольги

в комнате? Плохо поужинал. Значит, проснется ночью. Надо бы подготовить бутылочку с кашкой, чтобы не бегать в ночи. Потом — температура, которую не собьешь. Зубы, колики, опять вирус из сада принес. Вся семья вповалку. Даже бабушку заразили. Еле выжила после детского вируса непонятного происхождения. Внук давно скачет, а бабушка едва ползает. На тренировке на него наскочил мальчик. Тому — хоть бы хны, а мы — с переломом пальца. Да, опять «мы», как в младенчестве, хотя уже пора говорить «мой». Месяц в гипсе. На ровном месте. Только оправились — скатился с горки на детской площадке, врезался в другого ребенка. Тому ничего, у нас — вывих. А еще раньше сам упал с качелей. Головой приземлился. Хорошо хоть в землю. Был бы асфальт — считай, все. Столько анализов, столько обследований. И сотрясения вроде бы нет, а его все тошнит, голова кружится. Зубки молочные, прикусил нижнюю десну. Весь рот в крови. Смотреть страшно, сердце останавливается. Тетка какая-то советует пописать и мочу приложить к десне. Я слушаю, киваю. И абсолютно всерьез уточняю — чью мочу? Мою или ребенка? Или отцовскую? Все, сошла с ума окончательно... Опять сопли и кашель. Уже вторую неделю. Дохает, как говорили в моем детстве. Ношусь по рынку в поисках барсучьего жира. Тоже память прошлого. А еще медовая лепешка в качестве компресса на грудь. Если ребенок болеет, разум отказывает. Начинаешь верить в мочу,

Маша Трауб

жир... Да во что угодно поверишь, лишь бы выздоровел.

Я прохожу диспансеризацию. Врач собирает семейный анамнез. А его нет. Заболевания сердечно-сосудистой системы, инфаркты, инсульты? Бабушка умерла от инфаркта вроде бы. Но мама убеждена, что нет. Она думает, что бабушка умерла от жизни, невыносимых тягот, бесконечных хлопот, работы, отнимавшей все силы, от ответственности, которую больше была не в силах нести. Раковые заболевания в семье? Маме поставили диагноз: рак шейки матки. Сделали операцию. Молодая женщина, которая больше не могла стать матерью. Трагедия? Только не для моей мамы. Она об этом вообще никогда не вспоминала. К врачам не ходила. Включила режим амнезии, как я всегда это называла. Мама умеет блестяще переключать тумблеры в голове — тут помню, тут не помню. Она умеет забывать подчистую или начисто — не знаю, как правильно. Стирает из памяти месяцы, годы, воспоминания, даже болезни. И, как ни удивительно, даже болезнь отступает, будто ее и не было. Она курила всю жизнь. Врачи обещали рак легких, гарантировали. В свои семьдесят два года мама оказалась в больнице. Легкие чистые. Не с ее слов, а согласно снимкам, которые я видела, и словам врача. Как такое может быть? Мамино поколение умело выпивать так, как нынешнему не снилось. Они пили и разбавленный спирт, и жуткие напитки, которые продавали

Кольцо из фольги

как коньяк или ликер. Про поездки на юг и употребление вина из канистр, купленных на дороге, мама много рассказывала. И что? Идеальная печень.

— А я чем-то болела в детстве? — спросила я ее.

— Нет, конечно. Была абсолютно здоровым ребенком. — Мама даже возмутилась.

Это ее память, в которой я была абсолютно здоровым ребенком. А я помню, что болела всегда, с самого рождения, поскольку родилась восьмимесячной, с недоразвитыми легкими. Мама помнила, как мы ездили на море. Я помню, как проводила долгие месяцы в горных санаториях, куда отправляли детей с заболеваниями легких. Мы дышали в трубочки, пили кислородные коктейли, гуляли по тропинкам здоровья. Помню компрессы, в которых прошло мое детство, — то кашель, то воспаление среднего уха, то отит, то трахеит. Помню, как месяцами лежала в постели, а потом сдавала экзамены. Меня жалели учителя, ставили тройки, закрыв глаза. Запахи поликлиники, вкус того самого кислородного коктейля, трубочек, которые нужно было засунуть в рот или в нос и глубоко дышать. Долгие прогулки, где тоже требовалось дышать.

А еще помню свои истерики. У меня тонкие вены, и каждый забор крови превращался в испытание, муку, истерику. Даже опытные медсестры попадали в вену не с первого раза. Я ходила перемотанная бинтами от локтей до запястья. И пахла

Маша Трауб

водкой из-за компрессов, которые мне накладывали на сгибы локтя и на кисти. Но чаще водку жалели, поэтому я ходила с примотанными к рукам капустными листьями. Толку от них было приблизительно как от водки, но все вокруг верили, что помогает. Забор крови из кисти — это не просто больно, а дико больно. Больше только если вену проткнут насквозь. Но этого я, к счастью, не помню. Теряла сознание.

Недавно я сдавала кровь. Медсестра, пожилая, опытная, долго щупала, трогала вены. Выдала мне ватку с нашатырем. Уложила на кушетку. Не попала. И еще раз не попала. Позвала коллегу. Та тоже долго трогала, разглядывала, присматриваясь к вене на запястье. Я кричала, плакала. На мои крики сбегались. У меня случилась настоящая истерика, я вырывалась, обещала подписать любой отказ, только не надо... Я все это уже проходила много раз. Если взять кровь из вены на запястье, я не смогу работать, готовить. Если из вены ниже запястья — не смогу поднять руку. Это моя память. Мама же не понимала меня, не верила, что такое может быть. Считала, что я придуриваюсь, специально устраивая истерики. Привлекаю к себе внимание. Сама она была почетным донором, у нее даже значок сохранился. Сдавала кровь, чтобы получить отгул на работе или чтобы банально заработать. И она вспоминает это с радостью. Как донорам выдавался бесплатный обед, бокал кагора. Вот и разница в памяти.

Кольцо из фольги

* * *

Потом... Что потом? Столько всего было за эти годы. Каждое утро просыпаешься и думаешь — лишь бы спокойно прошел. Лишь бы ничего не случилось. Сын... Опять допоздна уроки. Ну или не уроки. Не знаю, в какой-то момент отпустила — пусть делает что хочет. Не младенец уже. Утром не добудишься. Знаю, что первые уроки все равно прогуляет.

Спустя несколько лет, пролетевших как один миг, снова не уснешь от мыслей — вернется сегодня домой или останется ночевать у друзей? И где его вообще носит? Сессия, экзамены. Лишь бы не завалил. Девушка новая появилась. Это хорошо. Начал регулярно бриться, следит за собой. Ходит нежный, ласковый, заботливый. Что ни попросишь по хозяйству — делает. Но как не в себе. Даже страшно становится от его покладистости. Посуду помыл. Не только за собой — это всегда делал, — а перемыл полную раковину. Я заметила, что есть посудомоечная машина, но сын просто улыбнулся, точно — влюбленный идиот. Дом для него — перевалочный пункт, совмещенный с банно-прачечным комбинатом и столовкой. Поест, выгрузить грязное белье, получить новое, постиранное и поглаженное.

Подруга рассказывает про появившегося у дочери бойфренда: «Господи, ну как она могла влюбиться в такого? Наша-то — после спецшколы, кружков. Танцует, готовит, поет, на фортепиано играет. Ум-

Маша Трауб

ница и красавица. А он — нарцисс. Ни образования, ни работы нормальной. Только раздутое самомнение. Менеджер в магазине электроники. Специалист по бытовой технике. Где она только его встретила? В магазине? Не признается. Влюбилась, слышать ничего не желает. Поддалась его влиянию. Странные интересы появились — не ее, его. Хочет угодить, подстроиться, переломать себя под него. То кроссфит, то йога какая-то особенная. Перестала есть домашнюю еду, заказывает замороженную гадость, смузи на завтрак, обед и ужин. Но правильные. Он ей подсказал. Готовить не надо — только в микроволновку засунь, а потом в блендер — и сиди пей нечто зеленого цвета. Или цвета какашки. Ее не смущает. Вечером жует сушеные фрукты тайно от него. Он, оказывается, не приветствует. Спрашивала про его семью — молчит. Просила познакомить — отнекивается. Может, если накормить его котлетой да с пюре — так нормальным человеком бы стал. Сердце за дочь болит так, что ночью подскакиваю, форточку чуть ли не с петель срываю. Дышать тяжело. Яблоко ей принес. Она его положила на тарелку и дышать на него боится, не то что есть. А яблоко — сморщенное, явно в парке сорвал. Зачем тратить на хорошее? Игрушку заводную преподнес — какую-то курицу. Она заводит и смотрит, как та скачет, пока не кончится завод. И так — часами. В глазах — пустота и оголтелое счастье, граничащее с сумасшествием. Мы, семья, для нее — пустота, раздражающие вибрации. Только эта

Кольцо из фольги

курица имеет значение. Вот что делать? Знаю — выбросить яблоко, эту курицу, которая меня уже с ума сводит, и все пройдет. Запасы замороженные вычистить из холодильника. Но она не разрешает. Давится очередным смузи. Муж говорит: «Вспомни себя в ее годы». А что? Я помню! Такой точно не была! Всегда свое мнение имела. Да и не могла бы вот так, как она... себя растерять. Ну какое-то достоинство должно быть? Свои увлечения, интересы. Это сейчас феминизмом называется, а раньше не знали мы такого слова. Но у меня своя работа, подруги, коллеги, круг общения. У мужа — свои занятия. Да попробовал бы он мне указать, что есть, а что не есть! Скалкой бы один раз приложила — и все. «Неужели ты никогда не была влюблена?» — спросила дочь. Конечно была. Иначе зачем бы замуж вышла за ее отца? Но мы как-то вместе планы строили, о будущем думали, обязанности у нас были, а не только любовь и гори все синим пламенем. О родных тоже не забывали, считались с их мнением. Я до дрожи в коленках боялась с будущей свекровью знакомиться. Очень хотела ей понравиться, угодить. А как иначе? Вторая мать. Но я ее мамой никогда не называла, только по имени-отчеству. Она просила, обижалась даже. Но если я не могу, зачем через себя переступать? Муж тоже не настаивал. Сейчас смеется, говорит, это я с годами такая бойкая стала, а раньше всегда за ним следовала. Что он решал, то и делала. Да не было такого никогда! Муж вдруг вспомнил, как я ему еще до свадьбы ва-

Маша Трауб

реники с вишней по выходным готовила. Мол, ради этих вареников он на мне и женился. Попросил сделать как-нибудь. Тут у меня сердце чуть не остановилось. Никогда я вареники не лепила. Не умею я с тестом, да и не люблю. Вот что делать? Спросить, кто его варениками кормил? Выходит, не только ко мне ходил, а еще к кому-то? Потом думаю: ну какая теперь разница, столько лет уже вместе. Но эти вареники запали мне в душу, и не вытравить. Лежу и вспоминаю, чем его кормила, когда мы встречались. Мясо жарила, картошку с грибами он очень любил. С кем-то он меня точно перепутал. Или случайно проговорился? А если до сих пор те вареники вспоминает, значит, что-то серьезное у него было. Сцену ревности устроить? Смешно уже как-то. А потом думаю: может, у меня и не было любви, той самой, которая до сумасшествия, которую помнишь спустя десятилетия? Может, и не испытывала я такого? Тогда как могу судить дочь, если ей повезло больше, чем мне. Хоть раз такое испытать... Я радовалась, конечно, чувствовала себя счастливой, но чтобы сердце из груди выпрыгивало — нет, никогда. А вдруг мой муж всю жизнь любил ту, с варениками, а не меня? А вдруг до сих пор ее вспоминает?

* * *

Лучше всего я помню дом, в который мы с бабушкой переехали уже в конце ее жизни. Она тогда вышла замуж, что стало для мамы настоящим

ударом. Бабушка позвонила и попросила приехать на свадьбу. Мама отказалась наотрез. Объявила, что и меня, бабушкину единственную внучку, больше к ней не отпустит. До сих пор не могу понять, что так маму испугало. Бабушка не была богатой вдовой, жила в казенной квартире, никаких накоплений не имела, так что корыстный мотив со стороны новоявленного супруга заподозрить было сложно.

— Зачем? — снова и снова кричала в трубку мама, пытаясь добиться аргументированного ответа в пользу неожиданного и весьма скоропалительного замужества. Она накручивала телефонный провод на руку так, что я не знала, как его потом размотать. Мама почти в узел его завязывала.

— Чтобы у Маши свой дом был, — твердила бабушка.

Думаю, именно это ею и двигало. Мы жили в крошечной квартирке двухэтажного дома, правда, в самом центре села. Но двор — общий, бетонированный. Бельевые веревки тоже общие, как и палисадник. А тут — свои веревки, свой палисадник и большой огород. Курятник, кошки, персиковое дерево и два вишневых. А еще черешневые — с белыми и красными плодами. В жару можно спать на улице под деревом, на общем дворе так спокойно не поспишь. Или в любой момент пойти на огород и сорвать луковый стебель. Макнуть в солонку и сжевать. Пойти в курятник и достать из-под курицы яйцо. Сделать яичницу или омлет или сковыр-

Маша Трауб

нуть ногтем нежную скорлупу, сделать небольшую дырочку и выпить здесь же, в курятнике.

И совсем невиданная роскошь — две комнаты, разделенные всегда теплой стеной, потому что в доме печка. Большая, просто огромная. И кухня не одна, а две — летняя и зимняя отдельными домиками. Летняя большая, светлая, просторная. Там стоит большой стол. А зимняя — маленькая, уютная, тоже с печкой. В ней, именно в зимней, стоит уют, на столе лежат одеяло и простыня. Снизу одеяло, сверху — простыня. Для глажки. В углу — здоровенный таз и ковш. Мылись тоже на зимней кухне, даже летом. От печки и воды становилось душно. Из-за пара ничего не видно. Но пар легкий, не удушающий. Не как в бане и не как в сауне. Когда я впервые оказалась в хамаме, вдруг замерла — такой же пар, как был на зимней кухне. Те же ощущения. Бабушка сильно трет мочалкой, чтобы докрасна и кожа горела. Поливает из ковша, велит стоять ровно, но вода все равно льется и в таз, и на пол. Капли падают на раскаленные конфорки печи. Шипят, испаряясь. Потом все нужно вытереть досуха. Кухня ведь на земле стоит, без фундамента. Вода закончилась. Пока новую натаскаешь да подогрешь...

— А как же ты? — спрашиваю я у бабушки.

— Так я в твоей помоюсь, — смеется она. — Это же самая ценная вода, которая от ребенка осталась. Самая чистая.

Кольцо из фольги

Я знаю, что это не так. Просто у нее нет сил опять идти на колонку и снова таскать воду. Та, что есть, — уже на утро. Умыться, приготовить чай.

Бабушка моет меня земляничным мылом. Хранит кусок, никому не разрешает его брать. Это — ребенкино. Как и полотенце, постельное белье, тарелки, чашки, столовые приборы. Не обычные, из местного сельпо, а из набора. Того, который только по большим праздникам достают из серванта. Соседки считают это странностью. Выделять отдельное ребенку? А потом что она попросит? Может, еще комнату отдельную? Бабушка смеется.

У меня своя комната, так решила бабушка. Мне это совсем не нравится. Я не могу привыкнуть, что бабушка спит за стеной. В старой квартире мы спали вместе. Две кровати стояли вдоль стен, друг против друга, а между ними, перед окном, — стол. Я открывала глаза и видела, как бабушка сидит за столом и пишет. Чайник кипел тут же, в углу, оборудованном под кухню, за занавеской. Плитка на одну конфорку. И умывальник там же.

Мылись в сараях. Они стояли во дворе, похожие на гаражи для машин. В этих сараях рыли погреба, хранили закрутки на зиму. Тазы, веники, раскладушки — тоже в сараях. Вечером доставали раскладушку и белье, ставили в квартире, утром убирали. Детские люльки, стулья, которые выносились, когда праздновали свадьбы или собирались на поминки. В каждом сарае стояли сундуки. Сарай был даже

Маша Трауб

•

не складом, а настоящей пещерой с сокровищами. Во всяком случае, именно в виде сарая я представляла себе пещеру разбойников из сказки про Али-Бабу.

Кто-нибудь из соседок доставал люльку и передавал ее молодой матери. Там же, в сундуке, обнаруживались пеленки-распапонки. И все знали — в этой люльке лежал Тамик, а эти ползунки шили для Зариночки. Все соседи доставали из сараев детское приданое и передавали семьям, в которых случилось пополнение. Потом все стиралось, полоскалось в пяти водах, отутюживалось непременно дважды и с двух сторон и складывалось назад, в сундуки. До следующего младенца. И вновь доставалось, вновь перестирывалось в пяти водах и отутюживалось. Иногда пеленки и ползунки и пары дней в сундуках не успевали пролежать, а все равно — сакральный процесс подготовки к встрече малыша оставался неизменным. Вычистить, выдраить, перестирать, ошпарить крутым кипятком.

Вслед за этим выносили игрушки, лошадок, связанных крючком кукол. Нарядные платья, колготки, рейтузы, теплые кофты, рубашки и штаны, перешитые из взрослых костюмов. Еще спустя время из сараев доставали мячи, школьную форму, нарядные туфли, банты, портфели. Детей растили всем двором. Даже платье или костюм на последний звонок и выпускной можно было не покупать — у кого-нибудь из соседей обязательно найдется нужного

размера. А если не найдется, перешьют. И будут плакать от счастья — «моя Ниночка в этом платье на выпускной ходила, а Алик в этом костюме такой красивый был, совсем взрослый». Так же было и на праздники — из подвалов доставали банки с огурцами, компоты, варенья-соленья. Выставляли на общий стол.

Бабушке отдельный сарай не полагался, поэтому мы пристраивались к соседям в помывочный день. А тут, в новом доме, — мойся, когда захочешь, просить никого не надо. И погреб свой имеется. Большой, вместительный — только успевай заставлять банками.

Моя кровать стоит у стенки, примыкающей к печке. Всегда теплая, даже жаркая. Прижаться к стене и тут же уснуть. А еще перины и подушки, настоящие. У нас с бабушкой в прошлой квартире стояли кровати на сетках, а сверху — матрасы. Бабушка называла их смешно — «матрацы». У бабушки вообще было много слов в лексиконе, казавшихся мне смешными. Если я теряла ручку или тетрадь в школе, учительница говорила, что я Маша-растеряша. То есть я была виновной в потере вещи. А бабушка называла вещь, которую не могла найти, «потеряхой». Вроде как вещь сама решила потеряться, а человек тут ни при чем. Маму же, свою дочь, бабушка ласково называла «поперёшная». Мол, все делает наперекор. Еще было слово «яниться» в значении «капризничать», и оно мне тоже очень нрави-

Маша Трауб

лось. Самые интересные услышанные слова, выражения бабушка записывала в специальный блокнот, с которым никогда не расставалась. Некоторые, видимо, и использовала в речи.

Так вот матрасы были жесткие, будто на деревяшках спишь. И подушки такие же. Здесь же, на перинах, проваливаешься в облако, зарываешься и встать не можешь — перина не отпускает, держит. Голову от подушки отрываешь с трудом — она там, в сладких снах, в пустоте, отчего становится так спокойно, будто уже умер. Просыпаясь утром, я несколько минут гадала — умерла и попала в потусторонний мир или еще живу на земле?

Правда, бабушка тогда будто с ума сошла — требовала эти перины раз в неделю «протряхивать». Подушки взбивать. То еще мучение. Перина тяжелая, еле за концы держишь. Бабушка встряхивает. Надо тоже со своего конца встряхнуть, а сил не хватает. Перина падает на землю. С пододеяльниками та же история — после стирки обязательно встряхнуть, расправить. Бабушка встряхивает сильно, я не удерживаю. До слез — опять идти полоскать.

Перину после встряхивания нужно повесить на специальную веревку, которая толще других, как канат, и хорошенько охлопать выбивалкой для ковров, чтобы ни одной пылинки не осталось. Вот я стою и думаю, как эту перину закинуть на веревку. Забрасываю с одного края, а второй уже по земле волочится. Забрасываю со второго, первый падает.

Хочется упасть под этой периной и не двигаться. Так же с подушками — протрясти, выбить, взбить и поставить на кровать, непременно чтобы верхний угол торчал в потолок. Но самый кошмар наступал, когда бабушка устраивала стирку подушек, одеял и перины. Мне доставались подушки. Сначала снять наволочку, потом распороть наперник и аккуратно достать все перья. Но аккуратно не получится — все равно будешь стоять вся в перьях, как курица. Перья забиваются в нос, и можно чихнуть раз двадцать, не меньше.

— Бабушка, зачем стирать пух? — стонала я.

— Чтобы клещи не завелись, — отвечала она. —

В перьях особые клещи заводятся.

Оставалось лишь тяжело вздыхать — вши, клещи, блохи, клопы... мухи, комары, оводы... колорадские жуки... Деревенская жизнь предполагает бесконечное сражение. А бабушка после войны была одержима уничтожением паразитов всех видов. Если к вшам относилась более или менее спокойно, то клопов отслеживала каждый день, проверяя постельное белье, кровать, бельевые шкафы. Поэтому и коньяк никогда не пила, хотя ей лучший в редакцию привозили ящиками. Запах коньяка ей напоминал клоповый. И даже если гости уговаривали: «Коньяк шоколадом пахнет, мандаринами, бочкой дубовой, попробуй, чистый нектар», — бабушка отказывалась.

— Зато тараканов нет, как в Москве! — радовалась бабушка, не изменяя своему врожденному

Маша Трауб

оптимизму и решительно распарывая наперник с одеяла.

Во дворе выставлялись все имеющиеся в доме тазы. Даже цинковая ванна шла в ход. Вода не должна быть горячей. Если есть что-то хуже стирки пуха, то это натирание хозяйственного мыла на мелкой терке. Впрочем, этот навык мне позже пригодился. Когда я родила сына, никаких специальных порошков для стирки детского белья в помине не было. Я брала детское мыло и натирала на терке. Потом растворяла стружку в воде и замачивала пеленки и распашонки.

То же самое нужно было проделать с пухом. Натереть хозяйственное мыло, растворить в воде, обязательно добавить нашатырный спирт для дезинфекции и замочить перья. Уйти со двора не получится. Перья требуется помешивать, чтобы они, не дай бог, не скатались в комки. Пух увеличивается в объеме раза в четыре. Кажется, что ты будешь погребен под этим пухом. После замачивания нужно взять самое большое сито или самый огромный дуршлаг и промыть перья чистой водой. На этом все? Как бы не так. Поменять воду, натереть мыло, растворить и снова замочить перья. И снова промыть. Потом аккуратно завернуть в ткань, непременно одним слоем, и вынести на самый солнцепек. Чтобы пух прожарился на солнце. И опять проходить с ковровой выбивалкой, не давая перьям шанса сбиться в комки. Зимой подушки не стира-

лись, а просто выносились на мороз. Если бы у меня кто-нибудь спросил, какое из хозяйственных дел я ненавижу больше всего, я бы честно ответила — стирать пух из подушек и одеял.

Бабушка в новом доме стала маньяком чистоты. Застилала кровати без единой складочки на покрывале, ставила подушки уголком. Сверху обязательно укладывалась кружевная салфетка. Я бабушку просто не узнавала — в старом доме можно было закинуть кое-как покрывало и бежать играть во двор. Я думала, что это такая расплата за собственную комнату и зимнюю кухню, где не нужно мыться на глазах у всех соседей. Поэтому выравнивала покрывало и ставила подушку, как требовала бабушка.

А еще счастье — за окном, маленьким, всегда открытым, с кружевными занавесками, — свой палисадничек. Что хочешь, то и сажай. Хоть розы, хоть петушиные гребешки — правильно они называются целозия, — которые так любила бабушка, хоть алоэ. И запахи, особенно ранним утром. Такие, что уже проснулся, а лежишь и встать не можешь. Дрема не отступает.

Без куста сирени никак. Ни один приличный палисадник не имеет права считаться таковым, если в нем не растет сирень. У бабушки сирень не отличалась достоинствами, не могла похвастаться цветками-пятилистниками, на которых загадывалось сокровенное желание. Зато алоэ раскинуло свои листья щедро и широко. Петушки колосились.

Маша Трауб

Бабушка подарила мне настоящий дом. Тот, который должен быть в детстве у каждого ребенка. С колышущимися от легкого утреннего ветра кружевными занавесками, невероятными запахами, печкой. Завтраком, накрытым на большом столе под белой жестко накрахмаленной салфеткой, предназначенной лишь для этого — накрывать завтрак. Курами бестолковыми. Злым петухом, норотившим догнать и клюнуть. Фруктами и ягодами — только протяни руку и сорви. Кошками и котятами, которые ложились на раскладушку, стоявшую под черешней, и их не стонишь — ложишься рядом, а они еще двигаться не хотят. Потом на шее пристраиваются, мурчат. Брехливым, но очень добрым псом Мухтаром. Вообще-то соседским. Но он вдруг сам решил охранять еще и наш дом. Так и бегал с дозором — от своего к нашему. Его даже куры не боялись. Мухтар за службу, включавшую ночные пробежки с лаем, укладывался на спину и подставлял пузо — чеши. Или подходил и клал голову на колени — чеши за ушами. Больше благодарности не требовал.

— Мухтар, умоляю, давай ты ночью будешь спать? — просила его бабушка, выдавая псу миску с едой. Но тот сидел и ждал ласки. Бабушка трепала его по голове.

— Мухтар, я тебя отдам соседям. Пусть они так страдают, как я. Когда ты дашь мне выспаться? — причитала настоящая хозяйка Мухтара, соседка

Кольцо из фольги

тетя Роза, выдавая псу миску с едой. Мухтар ложился на спину.

— Я тебя почешу, если пообещаешь не брехать по ночам! — строго объявляла тетя Роза. — Прямо сейчас мне поклянись, что я буду спать по ночам!

Мухтар что-то побрехивал, но каждую ночь опять выходил с дозором.

Не знаю, почему он решил взять шефство еще и над нашим домом. Бабушка сторожевую собаку так и не завела, объясняя это тем, что пес будет жить в доме и спать в ее кровати, а ей придется переселиться в будку. Еще она утверждала, что не любит домашних животных. Правда, животные в это не верили. Кошка Ночка прибежала к бабушке и будила ее истошными воплями, сообщая, что собирается рожать. Всю ночь бабушка принимала роды, уложив Ночку на одеяло, поближе к печке, на собственную чистую, проглаженную с двух сторон ночнушку. Каждый раз бабушка просила маму привезти ей из Москвы новую ночнушку.

— У тебя уже должен быть целый склад! — удивлялась мама.

Бабушка не могла признаться, что Ночка мало того что оказалась многодетной кошкой, так еще и рожать предпочитает на чистых новых ночнушках. А на старых простынях категорически отказывается. Мечется, истошно кричит, смотрит так, что сердце разрывается. И успокаивается лишь тогда, когда бабушка кладет перед печкой еще ни разу

Маша Трауб

не надетую сорочку. Самых слабых котят Ночка в зубах дотаскивала до кровати и подкладывала бабушке под бок. Бабушка все время спала в котятках. Так и говорила — не «с котятами», а «в котятках». Подросшие котята не собирались уходить из теплой постели, как ни сгоняй. Новорожденных же бабушка упорно пыталась подложить под материнский бок, но Ночка после кормления вновь переносила их под бабушкин. Потом кошке, как каждой матери, надоедало бегать туда-сюда, и она переносила всех котят в кровать, укладывалась рядом, и они наконец спокойно засыпали. То есть Ночка с котятами сладко сопели, а бабушка лежала без сна, боясь пошевелиться, чтобы ненароком не раздавить котенка.

Когда много позже в роддомах молодым матерям предлагали уникальную возможность, стоящую, кстати, отдельных денег, — находиться с ребенком в палате круглосуточно, а не отдавать медсестре после кормления, я всегда вспоминала Ночку. Пожилые медсестры уговаривали мамочек отдать младенца в детскую, мол, докормим ночью, а вам надо выспаться, набраться сил, успеете еще набегаться по ночам. Но те, кто выбирал оставаться с ребенком в палате, считались прогрессивными. А те, кто отдавал, — вроде как недомамашами.

Я рожала обоих детей по старинке. Сама, без эпидуральной анестезии. И благодарила нянечек и медсестер за то, что они докормят ребенка ночью, ранним утром. Знала, что за три дня в род-

Кольцо из фольги

доме мне нужно набраться сил, восстановиться. На меня смотрели с укоризной. Мне так хотелось рассказать про Ночку. Бабушка по ночам вставала, кормила слабых котят из детской бутылочки с соской, разводя сухое молоко. Утром позволяла Ночке поваляться подольше в кровати, кормя заодно и остальных котят. Кошка была благодарна своей хозяйке. Она подходила, когда бабушка писала, сидя за секретером, и подолгу вылизывала ее руки, будто целовала. Потом ложилась рядом, на стол, на бумаги, и мурчала. Бабушка говорила, что под мурчание ей особенно легко писалось. Когда котята немного подрастали и не требовали ночных выкармливаний, Ночка перетаскивала всех в курятник, в ящик, где куры несли яйца. Один из них, самый дальний, кошка давно себе облюбовала. Куры смирились и не спорили.

В мои обязанности входило кормить кошек и Мухтара. Ели они вместе. В миски выливались остатки супа или каши, сверху щедро крошился хлеб. Ночка ни разу не стащила со стола даже крохотного кусочка мяса. Пес никогда не кланчил еду.

Однажды Мухтар притащил бабушке полумертвого щенка.

— Нет, неси его в свой дом, — ахнула бабушка, — мне котят хватает! — Но Мухтар лег и заплакал. Собаки умеют плакать настоящими слезами.

Бабушка тяжело вздохнула и принялась выхаживать щенка. Она назвала его Маресьев — у него

Маша Трауб

были перебиты задние лапки. Видимо, попал под машину.

Кутенок скулил по ночам. Бабушкино сердце не выдержало, и она забрала его в кровать, где Ночка выдала ему сосок. Маресьев считал себя котенком, научился быстро передвигаться, используя только передние лапы. Он играл с котятами, пытался не гавкать, а мяукать, и ему это почти удавалось. Когда Маресьев немного подрос, Мухтар начал выводить его на дежурства. Щенок радостно мяукал, труся за Мухтаром. На ночь они возвращались в бабушкин дом. Ночка шипела на Мухтара, видимо, интересуясь, куда тот опять погнал ребенка. Он что-то жалостливо брехал в ответ. Маресьев ластился к кошке, а та его вылизывала и приводила к бабушке — на поздний ужин. Бабушка закатывала глаза и хохотала. Нормальная семья.

* * *

В прошлой квартире нужно было обязательно мыть подъезд, все этажи, лестничные пролеты. Но не каждый день. Мыли по очереди все жильцы дома, точнее, младшие девочки или девушки из каждой семьи. Повинность, ставшая традицией. Обувь, выставленную за порог квартиры, не только своей, но и чужой, тоже требовалось тщательно помыть. Иногда набиралось пар десять, не меньше. И каждую — отскобли от налипшей и застывшей глины, отмой в грязном тазу, потом промой в тазу с чистой

Кольцо из фольги

водой. Каждый день. К бабушке часто приходили люди, и их обувь я тоже должна была отмыть. Если кто-то из нас, девочек, пропускал уроки в музыкальной школе, опаздывал на репетицию в ансамбле народного танца, нужно было сказать: «Мыла обувь». Это считалось уважительной причиной для прогула или опоздания.

Что меня поражало по возвращении в Москву? Здесь девочки не мыли ни свою, ни уж тем более чужую обувь. В этом не было необходимости. Туфли оставались чистыми. Я смотрела на свои сандалии и удивлялась — проходила целый день, а на них нет налипшей грязи. И никому в голову не приходило отругать меня за плохо вымытую обувь.

Как-то уже в московской школе я опоздала на урок. И когда учительница потребовала объяснений, я ответила, как было принято в деревне: «Мыла обувь». Учительница не знала, как реагировать. Мои одноклассники хохотали и потом долго дразнили, предлагая помыть им обувь. Я плакала и не понимала, что сказала не так.

В Москве никто не оставлял обувь за порогом, в коридоре. Только дядя Коля — сосед, живший двумя этажами ниже. Он выставлял ботинки рядом с дверью, выходил в коридор и с помощью каких-то красок из многочисленных банок натирал до блеска ботинки. Занимался этим часами, явно с удовольствием. Я могла поклясться, что увижу собственное отражение в его ботинке. Когда после жизни в селе

Маша Трауб

я впервые увидела, как дядя Коля сам чистит обувь, чуть в обморок от ужаса не упала. Решила, что ему грозит несмываемый позор, и предложила свою помощь. Он удивился не меньше меня. Я думала, что у соседа нет жены или дочери, которые могут взять на себя эту повинность, и жалела его всем сердцем. Но оказалось, у соседа имелись и супруга, и даже две дочери. Дядя Коля был военным, привык чистить обувь, да и сам процесс ему нравился. Как он говорил: «Приводил мысли в порядок». В тот момент я этого не поняла, а сейчас — очень даже. Если нужно переключиться, займи руки. Неважно, что делать: вязать, шить, красить, готовить.

Но тогда получилось совсем смешно. Я из лучших побуждений, чтобы о дяди-Колином позоре не узнали соседи, выхватила у него щетку и ботинок. Принялась чистить. Дядя Коля же решил, что мне нужны деньги и я таким образом пытаюсь заработать. Он ушел в квартиру и вернулся с мелочью. Пытался мне ее дать. Я категорически отказывалась. Ситуация разрешилась, когда дядя Коля пришел к моей маме. Он привык сам чистить свои ботинки, но вдруг оказался лишен радости и отдушины — пока чистит, не слышит упреков жены и вечных претензий дочерей. Они знают, что это время — святое, и не беспокоят его. А тут он выходит, и опять все ботинки идеально сверкают. Может, Маше найти другую подработку? Он оставлял деньги, но она так и не берет. Однажды целый рубль положил, ре-

Кольцо из фольги

шив, что обижает меня низкой оплатой. Но и рубль остался лежать в ботинке. Мама рассказала про традиции. А мне строго-настрого запретила чистить обувь дяди Коли. Но тот, кажется, про традиции не поверил, а я просто спускалась на этаж — вдруг понадобится. От дяди Коли я узнала про гуталин, воск и прочие премудрости для чистки. Часто он использовал крем для рук или лица, который тайно забирал из шкафчика в ванной. Жена и дочери удивлялись, куда делся крем, но на дядю Колю никто и подумать не мог. Так я узнала, что крем для лица идеально подходит для ботинок, если только они сделаны из натуральной кожи, а не из кожзама. сосед рассказывал про разные способы вернуть цвет обуви. Ему бы реставратором работать. Он, кстати, об этом мечтал: сидеть в какой-нибудь маленькой мастерской и возвращать жизнь старым туфлям или ботинкам. Дядя Коля подарил мне баночку гуталина, маленькую обувную щетку, воск, вазелин.

Этот урок мне тоже пригодился. Я вернулась к бабушке в село и однажды так начистила обувь, что обо мне пошли слухи. Все ахнули. Бабушка тогда кричала, что ее внучка не будет чистить обувь, даже не приходите и не просите. Ни за какие деньги. Нашли мальчика, тьфу, девочку-чистильщицу.

Еще одно потрясение я пережила, увидев, как папа моей одноклассницы, к которой я зашла в гости, моет посуду. Причем облаченный в женский фартук. В селе я не видела ни одного мужчины, ко-

Маша Трауб

торый, радостно насвистывая, мыл бы посуду. Про женский фартук я вообще старалась не думать. Это же... ну, как если бы мужчина вместо кепки надел женскую шляпу или повязал бы на голову платок. Такого не может быть никогда. Но к тому времени я уже привыкла держать рот на замке и не стала уточнять, как после такого позора он сможет выйти во двор. На всякий случай пообещала однокласснице, что ничего не скажу.

— Про что? — не поняла она.

— Про посуду и фартук, — прошептала я.

Одноклассница решила, что я странная, и больше со мной не дружила.

* * *

Лифт меня завораживал. Я могла кататься в нем до тех пор, пока соседи не начинали ругаться. Еще мне нравилось вывалиться до пояса из окна и часами смотреть вниз. В селе выше двухэтажных домов сооружений не строили. Мама, боявшаяся высоты, подойти к окну не решалась. Мы жили на восьмом — других вариантов не было, — и она даже в форточку старалась не выглядывать. Я же наслаждалась. Мама узнала о моем увлечении от соседки, которая решила, что я собираюсь покончить жизнь самоубийством: «Вот вчера уже почти упала». Мама меня отчитала и запретила вообще приближаться к окну. Так я поняла, что это самое безопасное место в квартире — мама просто застывала на пороге.

Кольцо из фольги

Она не могла меня заставить вернуться в свою комнату, не могла ударить полотенцем. Даже кричать была не способна — от страха. Так что я часто пользовалась ее боязнью высоты — чуть что, вываливалась из окна по пояс или вставала на подоконник.

В селе были одни запреты и правила, в Москве — другие и не очень мне понятные. Гулять с мальчиками после школы можно, а заходить просто так к соседям нельзя. В селе было с точностью до наоборот. Ходить в брюках или штанах можно, а не платить за хлеб или конфеты в магазине нельзя. В селе всегда можно было взять хлеб в долг, но штаны — позор. Носить короткие юбки можно, а выходить на улицу с едой — хлебом, посыпанным сахаром, нельзя. В селе — опять наоборот. Мне нужны были объяснения, но мама лишь отмахивалась.

Она, возвращая меня в Москву из села, тоже страдала. Я забывала закрыть дверь, уходя в магазин, — в селе двери не закрывали. Назначение дверной цепочки для меня вообще долго оставалось загадкой. Что такое щеколда, было понятно, а вот цепочка — нет. Как можно открыть дверь на расстояние щели? Это же невежливо. Что люди подумают? Наличие в двери двух замков, а не одного, тоже было откровением. Мама хваталась за голову, когда я, не отрываясь, жала на дверной звонок. Наш пел мелодичной трелью. Мне нравилось. Потом я обходила соседские квартиры и нажимала на их звонки. Все были разными. Мама меня ругала, а я

Маша Трауб

не понимала за что. В селе звонков не было. Объявляя о приглашении на торжество, стучали в ворота палками. Если требовался хозяин дома, выкрикивали его имя. Отчего-то я боялась спросить у мамы про звонки, цепочку, замки. Даже не знаю почему. Став старше, научилась быстро мимикрировать.

* * *

Когда бабушка переехала в частный дом, я очень радовалась. Наконец мы жили как все. Точнее, как все девочки из моего класса, из музыкалки и танцевального кружка. Две кухни — летняя и зимняя, огромный огород, курятник, палисадник, сарай и аж два туалета, один ближе к дому, второй на огороде. Я была счастлива, что здесь не придется отмывать лестницу и чужую обувь. Что не нужно ждать очереди в уличный туалет, рассчитанный на всех жильцов дома. Что можно мыться на зимней кухне, а не в соседском сарае.

Но, как оказалось, двор требовалось подметать каждый день. Иногда и дважды. Еще и за воротами не забыть. Забудешь подмести за воротами — позору не оберешься. Да и пол в доме требовалось вымыть так, чтобы между деревянных половиц не осталось грязи. А как без грязи, когда дом на земле стоит? В квартире достаточно было пройтись мокрой тряпкой. А здесь — часами сидишь на коленках и вымываешь между половицами. До сих пор помню, как сижу, плачу и тру тряпкой. Понимаю,

Кольцо из фольги

что толку не будет и завтра снова придется выскребать землю. И послезавтра тоже. А еще — носить воды из уличной колонки, четыре ведра как минимум. Развесить белье, снять высохшее, отнести на зимнюю кухню, погладить. Перемыть всю обувь, пусть не десять пар, а всего три, но лучше бы десять перемыла. В центре села лежал асфальт, а здесь, на окраине, дороги в лучшем случае посыпали щебенкой, так что отмыть здесь одну пару — это как там, в центре, все десять. Те же усилия. После — выставить, чтобы просохла. На огород каждый день, без разговоров. Грядки прополоть. Собрать колорадских жуков с картошки, полить, еще раз полить, сорняки, грядки — и так каждый божий день... Полить цветы в палисаднике. Там тоже вырвать сорняки. Дать курам корм, собрать яйца, положить сено в ящики для несусек. Накопать картошку, собрать урожай — два черешневых дерева, одно вишневое. Вырвать крапиву, разросшуюся вдоль сетки. Совсем рядом, за сеткой — железная дорога. Там же — кусты кизила. Набрать ягоды. Кизилловые кусты с шипами, крапива больно жжется. А если молодая, то надо каждый день рвать — на суп, на лечебные настойки и притирки. Потом каждый лист очистить от грязи. К обеду уже падаешь без сил. Счастье, когда надо бежать в школу, потом в музыкалку, потом в ансамбль. Вечером снова отмыть обувь — к утру уже грязь не отдерешь, — помыть ноги и рухнуть в кровать. Про «помыть ноги» помнит каждый ребенок, вы-

Маша Трауб

росший в селе. Помыться — это ритуал, целый день. Вечером помой ноги под уличным умывальником с пимпочкой. По утрам женщины протирались над тазом мокрой тряпкой. Проходились под мышками, под грудью, приседали, подмываясь. Про чистку зубов вообще никто не спрашивал.

Быт убивает, это я точно знаю. Когда мы жили с бабушкой в квартире, я по вечерам писала стихи, сказки, пыталась вести девичий дневник. Здесь же оставалось одно желание — доползти до кровати и уснуть. Бабушка тоже мало писала, увлекшись домашними делами, хозяйством частного дома. В этом она призналась только Варжетхан:

— Не могу писать совсем. Так устаю за день. Но ведь сама хотела, сама выбрала. Не успеваю ничего. Если день отработаю по дому, на огороде, вечером ни строчки не напишу. Думать не могу. Маша тоже страдает. Я думала, ей будет лучше. А она устает. Тоже без ног падает. Стихи начала писать — бросила.

— Ну а разве для тебя это новость? Быт убивает. А почему наши женщины в тридцать лет выглядят такими уставшими, будто они уже целую жизнь прожили? Потому что так и есть. У них каждый день одно и то же — дворы, уборка, стирка, готовка. Дело не в физических затратах, а в том, что все повторяется каждый божий день. Это и убивает, — ответила Варжетхан.

— И что мне делать? — спросила бабушка.

Кольцо из фольги

— Если хочешь писать, перестань строить из себя великую хозяйку. Живи как раньше. Пусть ребята тебе воды натаскают, дрова нарубят. Я попрошу Земфиру — будет к тебе приходить помогать по хозяйству. Ты ей только в знак благодарности масло, муку давай. Там семья большая... им всегда нужны продукты.

— Ты предлагаешь мне нанять домработницу? — ахнула бабушка.

— Нет, я предлагаю тебе выход из положения. Ты снова начнешь писать, Маша перестанет убиваться на огороде — посмотри на нее: глаза пустые, потухшие. Только грядки и видит. А Земфире в радость — она любит по дому возиться. Деньги не давай, продуктами плати. Всем будет хорошо.

Так и случилось. Земфира приходила каждый день и возилась по хозяйству. Бабушка снова начала писать и пропадать в редакции. Я вернулась к девичьему дневнику.

Деда, бабушкиного мужа, я почти не помню. Тихий старичок. Шаркал по ночам, когда выходил в коридор помочиться в ведро. Мочился долго, видимо, страдал простатитом. Это я сейчас понимаю. А тогда лежала и слушала, как моча бьет о стенки цинкового ведра. То сильно, то замолкает. Раньше я таких звуков не слышала. Несколько раз описалась, боясь встать и увидеть, как в ведро писает дед. Не решалась признаться бабушке, сама пере-

Маша Трауб

стиривала белье. Кажется, я с дедом ни разу не разговаривала. Не помню такого. Даже как его звали, не помню, честно. Не обращалась к нему, он ко мне тоже. Дед умел вязать веники — в рабочем сарае целый цех был оборудован. Он вязал на продажу — на длинной ручке, чтобы сметать паутину с потолков. Большие, разлапистые — для двора, сметать листья. Жесткие, с короткой щетиной — для грязи. Обычные, традиционные — подметать в доме. Веников было видов двадцать, не меньше. Он не учил меня их плести, скорее, не выгонял из сарая. Разрешал брать инструменты. Но ничего не объяснял. Я иногда приходила и плела веники. Дед всегда срывал оставшиеся зерна с прутьев, а мне, наоборот, хотелось, чтобы веник был с зернами. Мне нравилось прошивать — шилом, черной липкой нитью. У деда была специальная мерка для веников. Я же делала так, как хотелось. Под свою руку. И не понимала, почему в этих мерках нет детского размера. Ведь дворы подметали в основном девочки моего возраста — вчерашние дети. Почему нельзя было сделать ручку покороче? А сам веник для двора — чуть поменьше? И, главный вопрос, почему не рассказала об этом бабушке? Ведь сама была обречена на то, чтобы управляться со здоровенной метлой, пока однажды не связала для себя веник — пусть корявый, плохо и слабо прошитый, но удобный. Мой веник просили напрокат подружки. И даже после этого — почему дед не взял на вооружение

Кольцо из фольги

новый вид, почему бабушка не убедила его в этом и почему не похвалила меня? Сейчас понимаю. Все считали, что я так развлекаюсь — рано или поздно все равно покину деревню, так что размер веников останется в моей памяти слабым воспоминанием, если вообще останется.

Но нет. Именно размер веников в памяти остался очень четко. Как-то я отправилась в отпуск с приятельницей — мы приехали в гости к нашей общей подруге, живущей в одном из южных городков. И там, на улице, я купила для дочки крошечный веничек. Знала, что она будет в восторге. Дочь засыпала с маленькой щеткой и совочком, любила возиться на кукольной кухне, устраивать куклам чаепития — кукольный набор был сделан из настоящего фарфора. Я показала веничек приятельнице, на что она недоуменно спросила: «Ты что, для кладбища его купила?» Тогда я даже не поняла, почему она связала этот веник с кладбищем. В нашем селе на кладбище никто не ходил с вениками. Скорее, с цветочной рассадой — посадить цветы. На могилах не было искусственных цветов или срезанных. Только живые. Как в палисаднике. Сажали и на «своей» могиле, и на чужих, которые по соседству. Убирали так же — не только свой участок, но и те, что рядом. Общую тропинку обязательно. Так было принято и в частных домах: убираешь двор — убери свой кусок улицы. Если видишь грязь по соседству, то и там нужно убрать. А как иначе? Улица-то одна.